

УДК (47+57):327"192/198"

DOI 10.31.65/2520-6966-2019-12i-97-48-58

О. Ю. Захарова

независимый исследователь,
доктор исторических наук, профессор

Язык церемониального жеста и костюма

Автор исследует семиотику жеста и церемониального костюма, как важной составляющей бального церемониала, имеющего в жизни общества, подобно другим церемониальным торжествам (дипломатическим приёмам, военным парадам, рыцарской конной карусели) символическое значение.

В статье рассматривается язык веера, как обязательного атрибута бального костюма, рассказывается об истории веера в Западной Европе и России, а также об одном из самых древних украшений, популярном в Европе на протяжении XVIII–XIX столетий – цветочном убранстве. Приводятся конкретные примеры связи отдельных сюжетов истории человеческого общества с историей растений.

В статье изучается роль при формировании бального костюма таких аксессуаров, как табакерка, перчатки.

Язык костюма подчёркивал социальный статус человека, говорил о его художественном вкусе, который в свою очередь свидетельствовал не только об эстетических, но и этических принципах его владельца. В отличие от других церемониалов именно на балу женщине отводилось особое, почётное место. От её поведения на бале зависела не только её репутация, но и репутация её близких. М. Ю. Лермонтов сравнивал появление женщины на балу с первым восхождением оратора по ступеням кафедры.

Невербальный язык общения (язык жеста, костюма, геральдика, эмблемы, знамена, флаги) в церемониальной культуре служит не только для самоиндификации и индификации личности, но прежде всего для индификации социума.

Ключевые слова: невербальный язык, костюм, бал, церемониал, культура, взаимодействие искусств, общество.

Визуальные коммуникативные технологии, символические системы вырабатывались человеком с древнейших времён.

Образной риторикой и выразительной символикой, применяемой к различным явлениям жизни, славился XVIII век – период формирования театрального искусства, непременным атрибутом которого был парик, в петровское время вошедший в моду. Как остроумно заметил один из исследователей моды, парик в один миг

превращал "голову любого портного или перчаточника в величественную голову Юпитера" [10, с. 146]. На протяжении XVIII века мужские парики не раз меняли форму. Длинные в начале века, они носили названия "пудель" или "львиная грива". Во второй половине века парик представлял собой тоненькую косичку, обмётанную лентой, а над висками – завитые букли. "Мужчины [делают причёску так]: волосы впереди подстригают от линии ушей до верха лба на 1 сун, с обеих сторон оставляют локоны, которые расчёсывают и завивают над ушами, а остальные волосы зачёсывают назад, перевязывают шнурком на затылке, заплетают в косу из трёх прядей, обматывают чёрной шёлковой [лентой] и свешивают сзади" [10, с. 149], – свидетельствовал Х. Кацурагава.

Причёски XVIII века весьма замысловатые. Во второй половине века они отличались большой сложностью. Например, причёска типа "фрегат", появившаяся по случаю одного из морских сражений, представляла на голове сооружение в виде корабля с оснасткой. Журнал "Магазин английских, французских и немецких новых мод..." за 1791 год сообщал читателям, что "голова причёсывается буклями, большими и маленькими, по желанию, виски же отбираются и поддерживаются наравне с ушами; шиньон гладкий, и конец его завивается буклею <...>; на волосы накладывают ленты с перьями или флером белым или цветным с перьями же и цветами, также гирлянды из цветов; ленты же и перья употребляются по приличию к цвету платья" [10, с. 139].

В эпоху рококо сложность и изощрённость становятся необходимым условием модной укладки волос. "Мне необходимо было причесаться и вообще принарядиться, чтобы ехать в Версаль. Туалет, в котором появлялись при дворе, требовал уйму времени для подготовки. Путь из Парижа в Версаль был очень осложнён заботами о том, чтобы не испортить нижние юбки и складки. Хотела я впервые попробовать причёску, очень неудобную, но тогда очень модную: несколько плоских бутылочек, округлённых и приспособленных к форме головы, в которые наливается немного воды и вставляются живые цветы на стеблях. Не всегда это удавалось, но если удавалось, то выглядело очень красиво. Весна на голове среди белоснежной пудры производила чарующее впечатление" [4, с. 323].

Мастера-парикмахеры в течение долгих часов, сооружали такие причёски. Чтобы не повредить их во время сна, модницам приходилось спать, сидя в креслах, подкладывая под шею валик и держа голову на весу. "Я от верных людей слышал что тогда [в петровское время] в Москве была одна только уборщица для волос женских, и

ежели к какому празднику когда, должны были младые женщины убираться, тогда случалось, что она за трое суток некоторых убирала, и они должны были до дня выезда сидя спать, чтобы убору не испортить" [14, с. 320], – писал князь М. М. Щербатов.

Велики были муки модниц, чтобы напудрить волосы, не испачкав костюма, приходилось залезать в специальный шкафчик с отверстием для головы. Затворив дверь, парикмахер посыпал причёску пудрой, изготовленной из муки или крахмала. "И мужчины, и женщины, после того как сделают причёску, посыпают её мукой, называемой пудра, и [волосы] становятся как седые. Люди низких сословий пользуются [для этого] порошком из картофеля [крахмалом]" [10, с. 140].

Дамы в XVIII веке широко пользовались косметикой, пудра очень всех красила, а женщины и девицы вдобавок ещё румянились, стало быть, зелёных и жёлтых лиц и не бывало. "С утра мы румянились слегка, не то что скрывали, а для того, чтобы не слишком было красно лицо; но вечером, пред балом в особенности, нужно было побольше нарумяниться. Некоторые девицы сурьмили себе брови и белились, но это не было одобряемо в порядочном обществе, а обтирать себе лицо и шею пудрой считалось необходимым" [9, с. 165–166], – вспоминала Е. П. Янькова.

На шею, лицо, грудь модницы наклеивали мушки, имитирующие родинки: "Женщины <...> накладывают на свои нарумяненные лица ещё множество пятнышек [мушек] для большой красоты. Ещё недавно обычай этот доходил до такого безобразия, что из таких мушек женщины выделывали и наклеивали себе на лицо разного рода фигуры, кареты, лошадей, деревья и тому подобные изображения" [10, с. 145], – свидетельствовал Х. В. Вебер. Мушка была не только элементом украшения, но и умела "говорить": мушка, помещённая под губой, означала кокетство, на лбу величие, в углу глаза – страсть и т. д. [10, с. 142].

В проявлении своих чувств следовало придерживаться определённых правил. Так, в начале XIX века вошли в моду обмороки. Существовали они под различными названиями: "обмороки Дидоны", "капризы Медеи", "спазмы Нины".

Для дам веер – неизбежный атрибут бального костюма. Обращение с веером – рафинированная светская игра. Появившись в России в XVII веке, складной веер воспринимался как иноземная диковинка. Русский костюм был близок к турецким или иранским образцам, а потому для Московской Руси более характерно опахало, "имеющее круглую форму и сделанное из страусовых перьев. Перья

укреплялись на ручке, выполненной из дерева, кости, серебра и золота и богато украшенной финифтью или драгоценными камнями. Примером может служить опахало царицы Натальи Кирилловны (1651–1694), матери Петра I, состоящее из черных страусовых перьев, которые были укреплены на яшмовом с золотом черенке, украшенном изумрудами, рубинами, яхонтами и жемчугом. Его прислал в дар государю цареградский патриарх Кирилл с архимандритом Филофеем. У царицы Евдокии Лукьяновны (ум. в 1645 г.) было изумительное опахало, украшенное изумрудами и другими драгоценными камнями. Веера изготавливались и в Москве в мастерских Оружейной палаты. В "Окладно-расходной книге денежной казны Оружейной палаты" 7196 [1688] года" встречаются "солнечного" и опухального, и нарядного, и станочного дела мастера: Евтихей, Петр и Федор Кузовлевы" [5, с. 8].

С начала XVIII века веер почти всегда делался складным, и это придавало ему множество выражений. По тому, как раскрыт веер, как его держит в руках светская дама, можно определить, какие эмоции владеют ею в данный момент.

В журнале "Смесь" за 1769 год так описывается искусство владеть веером: "Женщины умеют опахалом изображать разные страсти: ревность – держа у рта свёрнутое опахало, не говорит ни слова; непристойное любопытство – сохраняя стыдливость, закрывает лицо развёрнутым опахалом и смотрит на то сквозь кости опухала, на что стыдно смотреть простым глазом; любовь – играет опахалом, как младенцы с игрушками, и делает из него все, что хочет" [12, с. 100].

Наряду со старинными мелкоузорчатыми веерами в большой моде были веера из настоящего кружева с крупным рисунком. Язык веера XVIII века: "Я замужем" – говорит, отмахиваясь, развёрнутый веер; "Вы мне безразличны" – закрываясь; "Будьте довольны моей дружбой" – открывається один листик; "Вы страдаете, я вам сочувствую" – открывається два листика; "Можете быть смелы и решительны" – веер держится стрелой; "Вы мой кумир" – полностью раскрыт" [1, с. 70].

В Западной Европе веер – предмет привилегированного круга. В последнее десятилетие XVIII века веер рассматривался революционной толпой как признак аристократизма. мода на веера вернулась в период реставрации Бурбонов. В XIX веке веер позволял судить о семейном положении женщины: "Для балов при белом платье необходим белый веер, слоновой кости или перламутровый, а для замужних дам – кружевной или из страусовых перьев" [13, с. 489].

С именем императрицы Марии Фёдоровны, супруги Александра III, связана особая страница истории веера в России. Среди вееров-сувениров императрицы интересен веер с портретами Александра III и их детей, расписанный И. Н. Крамским.

В 1891–1893 годах русская эскадра посетила Францию. В честь этого события была создана специальная коллекция вееров. Один из них посвящён данному в Парижской опере в честь русских гостей спектаклю, один из фрагментов которого изображён на веере: "Взвился новый занавес в глубине сцены, и зрителям представилась фигура мира в образе прелестной, одетой в белое, женщины с масличного ветвью в руке, стоявшей на колеснице... Под фигурой мира огромный двухглавый орёл распростирает свои крылья, держа в лапах русское и французское знамёна. По требованию публики эта картина много раз появлялась вновь из-за спускавшегося занавеса, и каждый раз к громогласным восклицаниям публики присоединялся могучий хор, исполнявший на сцене русский гимн при грохоте пушек и звоне колоколов" [5, с. 27].

Мода на веера менялась значительно реже, чем на другие аксессуары, веера из кружев и перьев были всегда популярны, в то же время в разные периоды существовали свои излюбленные фасоны.

В начале столетия журнал "Модный курьер" рекомендовал своим читателям веера "принцесса" в виде раковин [7, с. 7]. В это время были особенно популярны веера с нарисованными цветами, ландшафтами, блёстками и кружевами.

Дамы щеголяли веерами, а кавалеры – табакерками; нередко это были уникальные произведения искусства. Табакерка была предметом гордости её владельца, о чём свидетельствует сама манера обращения с нею: "Прежде чем понюхать табак, табакерку медленно вынимали из кармана, долго держали на ладони, словно невзначай забыв о ней во время разговора, затем неторопливо раскрывали, показывая на внутренней стороне крышки тонко выполненную миниатюру, и, взяв щепотку нюхательного табака оставляли её открытой в руке и, затаившись раза два, как бы нехотя убирали карман" [12, с. 105]. Получить хороший букет табака составляло целое искусство, тщательно скрываемое его создателем.

В конце XVIII века входят в моду духи, а в начале XIX века – одеколон (после похода русских войск во Францию).

Цветочное убранство – одно из самых древних украшений, популярное в Европе на протяжении XVIII и XIX веков. Некоторые сюжеты истории человеческого общества удивительным образом связаны с историей растений.

Хлодвиг I, король франкского государства, одержал в V веке победу над германцами на берегах реки Ли, где росли лилии. Увенчанные лилиями, возвращались с поля боя победители. С тех пор знамена и герб Франции украшали три лилии, означающие сострадание, правосудие и милосердие.

Изображение цветка лилии встречается на королевской печати, на дворцовых стенах и мебели. Во времена Средневековья знаком лилии клеймили преступников.

На Руси белая лилия – символ мира, непорочности, а также чистоты [2, с. 92–93].

Во времена Людовика IX Святого на знамени с лилиями были изображены также маргаритки – в честь жены короля, носившей имя Маргарита.

Прибыв на родину своего мужа, дочь Франциска I – Маргарита получила от него в подарок золотую корзину, наполненную белыми маргаритками и обвязанную розовой лентой с надписью: "Каждый цветок имеет свою прелесть, но если бы мне представили на выбор сразу тысячу цветов, то я все равно выбрал бы маргаритку" [2, с. 113]. С тех пор Маргарита – любимое имя принцесс. Его носили герцогиня Анжуйская, мать Генриха VII Маргарита Австрийская, Маргарита Наваррская и многие-многие другие.

Заключённая в тюрьму Жозефина Богарне получила из рук дочери тюремщика букетик фиалок. На другой день она была освобождена. Через несколько дней на балу Жозефина украсила себя букетиками свежих фиалок. Весь вечер не отходил от неё генерал Бонапарт. Во время венчания с Наполеоном платье Жозефины было заткано фиалками. С этого времени, возвращаясь из похода, Наполеон дарил своей жене фиалки – залог их счастья.

Цветы определяли вкусы влиятельных особ.

Екатерина II любила примулы. В Зимнем дворце имелась целая коллекция этих цветов. Для расписанного примулами саксонского фарфора была отведена специальная комната [2, с. 4].

Древние греки называли примулу цветком двенадцати богов. Двенадцать богов, собравшись на Олимпе, решили превратить парализованного юношу Паралисосу в прекрасный цветок, который стал считаться средством от многих болезней.

С цветами связан духовный мир человека. Каждый цветок имел определённое символическое значение. Древние греки посылали гонцов с пальмовой ветвью для известия о победе с оливковой – о мире, ветви лавра говорили о славе, а дуба – о силе и могуществе. Венцом из лавра и дуба награждали философов, венком из лавровых листьев – победителей.

В Средние века язык цветов был принят для общения влюблённых. Если средневековый рыцарь просил руки избранницы, он посылал ей розы с миртами.

Маргаритки, переданные в ответ, означали согласие на предложение, а венки из них – необходимость подумать над предложением [2, с. 224–225].

В 1830 году поэт Д. П. Ознобишин издал в России книгу "Селам, или Язык цветов". Вот некоторые из символов растений, принятых в XIX веке.

Алой – "Ты меня огорчила".

Астра – "Умеешь ли ты любить постоянно?".

Бузина – "Ты не узнаешь меня".

Бузина чёрная – "Я твоя".

Василёк – "Будь прост, как он".

Гвоздика (белая) – "Вверься мне".

Гвоздика (полосатая) – "Я для тебя потеряна".

Гвоздика (пёстрая) – "Как могу я забыть тебя".

Гвоздика (турецкая) – "Немного тебе подобных".

Зверобой – "Верь любви моей".

Ирис – "Зачем ты нарушила спокойствие моего сердца?".

Картофельный цвет – "Ты затмеваешь всё".

Роза красная – "Ты победил моё сердце".

Одуванчик – "Я везде дома".

Черёмуховый цвет – "Как ты меня обрадовал!".

Белые розы стали главным украшением праздника, устроенного в день отъезда прусской принцессы Шарлотты, помолвленной с великим князем Николаем Павловичем.

Тысячи белых роз обвивались гирляндами вокруг древков знамен, венки из роз венчали головы приглашённых дам, розами были усыпаны все ступени и трон будущей всероссийской императрицы, восседавшей под золотым балдахином в окружении верных рыцарей. Наследный принц Фридрих-Вильгельм, изображавший рыцаря белой розы, был одет в затканное серебром платье с цепью ордена Чёрного орла на шее и шлемом с приподнятыми орлиными крыльями. На его голове красовалась надпись: "С нами Бог".

Русский император Александр Павлович, будучи в Германии, буквально обворожил местных жителей, воспринимавших его как защитника отечества. "Мужчины бегают за ним толпами, а женщины придумывают разные способы для доказательства своего к нему уважения. Так, в память пребывания его в Берлине дамы ввели в моду носить букеты под названием александровских, которые

собраны из цветов, составляющих по начальным буквам своих названий имя Alexander" [3, с. 149]. Букет состоял из следующих цветов: Anemone (анемон), Lilie (лилия), Eicheln (желуди), Xeranthenum (амарант), Accazie (акация), Nelke (гвоздика), Dreifal-tigkeits-blume (веселые глазки), Epheu (плющ), Rose (роза).

Как вспоминал С. П. Жихарев: "Без этих букетов ни одна порядочная женщина не смеет показаться в обществе, ни в театр, ни на гулянье" [3, с. 149]. Большие букеты дамы носили на груди, а маленькие – в волосах.

В XVIII веке редко кто носил перчатки. Эпоха перчаток – XIX век, когда сформировались строгие правила пользования перчатками, зафиксированные в многочисленных "правилах хорошего тона". Надевали перчатки только дома, так же, как и шляпу, делать это публично считалось неприличным. "Придя в гости, снимите перчатку с правой руки; потом, раскланявшись с хозяевами, поставьте вашу шляпу вместе с перчатками на окне или где-нибудь в углу залы, чтобы иметь возможность, уходя, взять их незаметно и никого не стеснять" [8, с. 57].

Во время так называемых церемонных визитов лайковые перчатки всегда на руках, а трость оставлялась в передней. На балах перчатки снимались только во время ужина или игры в карты.

Перчатки являлись обязательной деталью не только взрослого, но и детского бального костюма. Так, герой повести Л. Н. Толстого "Детство", найдя лишь одну лайковую перчатку, приходит в отчаяние: он не может ангажировать даму на танец.

О частых выездах в свет великого князя Николая Павловича свидетельствует тот факт, что в сентябрьской трети 1814 года было "вымыто" для него перчаток 113 пар, а в продолжение январской трети 1815 г. – 93 пары [11, с. 82].

Женщины на балах и приёмах надевали белые шёлковые или лайковые перчатки, мужчины – если они в форме – замшевые, в штатском – лайковые. Нитяные перчатки носили лакеи и официанты. Среди прочих модных аксессуаров перчатки в наибольшей степени подчёркивали особое социальное положение личности. Это знак приверженности дворянина рыцарским законам чести. Таким образом, модные аксессуары – это важное средство невербального общения.

М. Ю. Лермонтов сравнивал появление женщины на бале с первым восхождением оратора по ступеням кафедры. "Не на месте приколотый цветок мог навсегда разрушить её будущее... И в самом деле, может ли женщина надеяться на успех, может ли она

нравиться нашим франтам, если с первого взгляда скажут: elle a l'air bourgeois (у неё вид мещанки (фр.) – это выражение, так некстати вкравшееся в наше чисто дворянское общество, имеет, однако же, ужасную власть над умами и отнимет все права у красоты и любезности. Вкус, батюшка, отменная манера" [6, с. 426].

От поведения женщины на бале зависела не только её репутация, но и её близких. Наличие вкуса, так же как и благородных манер, свидетельствовало и о добродетели. Таким образом, язык костюма подчёркивал социальный статус человека, говорил о его художественном вкусе. Невербальный язык общения в церемониальной культуре служит не только для самоидентификации и идентификации личности, но прежде всего для идентификации социума.

Литература

1. Верещагин В. А. Памяти прошлого. Санкт-Петербург, 1914. С. 70.
2. Волшебный мир цветов. Санкт-Петербург, 1997. С. 92–224.
3. Жихарев С. П. Указ. соч. С. 149.
4. Иллюстративная энциклопедия моды. С. 323.
5. Императорские веера из Эрмитажа. Музей вееров. Санкт-Петербург, 1997. С. 8–27.
6. Лермонтов М. Ю. Княгиня Лиговская. *Лермонтов М. Ю. Избранные сочинения*. Москва, 1997. С. 426.
7. Модный курьер. 1906. № 1. С. 7.
8. Правила светской жизни этикета. С. 57.
9. Рассказы бабушки. С. 165–166.
10. Рябцев Ю. С. Хрестоматия по истории русской культуры. XVIII–XIX вв. Москва, 1998. С. 139–149.
11. Сборник Императорского Русского исторического общества. Санкт-Петербург, 1896. Т. 98. С. 82.
12. Тарабукин Н. М. Очерки по истории костюма. Москва, 1994. С. 100–105.
13. Хороший тон. Сборник правил и советов на все случаи жизни. Санкт-Петербург, 1885. С. 489.
14. Щербатов М. М. О повреждении нравов в России. Столетье безумно и мудро. Век XVIII. Москва, 1986. С. 320.

References

1. Vereschagin, V. A. (1914). *Pamyati proshlogo [Memory of the past]*. St. Petersburg. [In Russian].
2. *Vol'shebnyiy mir tsvetov [magical world of flowers]*. (1997). St. Petersburg. [In Russian].
3. Zhiharev S. P. Ukazanye sochineniya [Specified writings]. [In Russian].
4. *Ill'yustrativnaya entsiklopediya modyi [illustrated encyclopedia of fashion]*. [In Russian].
5. *Imperatorskie veera iz Ermitazha [imperial fans from the hermitage]*. (1997) Muzey veerov. St. Petersburg. [In Russian].

6. Lermontov, M. Yu. (1997). *Knyaginya Ligovskaya [Princess Ligovskaya]*. Lermontov M. Yu. Izbran-nyie sochineniya. Moscow. [In Russian].
 7. Modnyiy kurer (1906). 1.
 8. Pravila svetskoy zhizni etiketa.
 9. Rasskazyi babushki.
 10. Ryabtsev, Yu. S. (1998). *Hrestomatiya po istorii russskoy kulturyi. XVIII – XIX vv [Readings on the history of Russian culture. XVIII – XIX centuries]*. Moscow. [In Russian].
 11. Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obschestva. (1896). 98. St. Petersburg. [In Russian].
 12. Tarabukin, N. M. (1994). *Ocherki po istorii kostyuma [Costume history essays]*. Moscow. [In Russian].
 13. Horoshiy ton. Sbornik pravil i sovetov na vse sluchai zhizni. (1885). St. Petersburg. [In Russian].
 14. Scherbatov, M. M. (1986). *O povrezhdenii nrayov v Rossii [About the damage of morals in Russia]*. Stoletie bezumno i mudro. Vek XVIII. Moscow. [In Russian].
-

O. Yu. Zakharova

doctor of historical sciences, professor

The language of ceremonial gesture and costume

The author explores the semiotics of gesture and ceremonial costume as an important component of the ballroom ceremonial, which has in society, like other ceremonial celebrations (diplomatic methods, military parades, knightly carousel) symbolic value.

The article discusses the language of the fan, as a mandatory attribute of the ball costume, about the history of the fan in Western Europe and Russia, as well as about one of the most ancient jewelry, popular in Europe during the XVIII–XIX centuries 4- floral decoration. Specific examples of the connection of individual plots of the history of human society with the history of plants are given.

The article studies the role of accessories such as a snuffbox and gloves when shaping a ballroom suit.

The language of the costume emphasized the social status, spoke of its artistic taste, which in turn testified not only about the aesthetic, but also the ethical principles of its owner. In contrast to other Ceremonies women were given a special, honorable place at the ball. Not only her reputation, but also the reputation of her relatives ones depended on her behavior at the ball. M. Yu. Lermontov compared the appearance of a woman at the ball with the first ascent of the speaker on the steps of the department.

The non-verbal language of communication (the language of gesture, costume, heraldry, emblames, banners, flags) in ceremonial culture serves not only for self-identification and identification of personality, but above all for the indication of society.

Key words: non-verbal language, costume, ball, ceremonial, culture, art interaction, society.

О. Ю. Захарова

доктор історичних наук, професор

Мова церемоніального жесту та костюму

Автор досліджує семіотику жесту і церемоніального костюму як важливу складову бального церемоніалу, що має в житті суспільства, подібно до інших церемоніальним

урочистостей (дипломатичних прийомах, військових парадах, лицарської кінної каруселі) символічне значення.

У статті розглядається мова віяла як обов'язкового атрибуту бального костюму, розповідається історія віяла в Західній Європі і Росії, а також про одну із найдавніших прикрас, яка була популярною в Європі протягом XVIII–XIX століть – квіткове оздоблення. Наводяться конкретні приклади зв'язку окремих сюжетів історії людського суспільства з історією рослин.

У статті вивчається роль при формуванні бального костюму таких аксесуарів, як табакерка, рукавичка.

Мову костюму підкреслював соціальний статус людини, говорив про його художній смак, який у свою чергу свідчив не тільки про естетичні, а й етичні принципи його власника. На відміну від інших церемоніалів саме на балу жінці відводилося особливе, почесне місце. Від її поведінки на балу залежала не тільки її репутація, але й репутація її близьких. М. Ю. Лермонтов порівнював появу жінки на балу з першим сходженням оратора сходами кафедри.

Невербальна мова спілкування (мова жесту, костюму, геральдика, емблеми, прапори) в церемоніальній культурі служить не тільки для самоідентифікації і ідентифікації особистості, а перш за все для ідентифікації соціуму.

Ключові слова: невербальна мова, костюм, бал, церемоніал, культура, взаємодія мистецтв, суспільство.